

Содержание

Предисловие	
Скорбь, перешедшая в радость.....	8

Николай Пестов

ЖИЗНЬ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

От автора	13
Раннее детство.....	16
Школьные годы	22
Школьное сочинение	41
Студенчество.....	48
В колхозе в начале военной службы	56
Первые месяцы в военной школе	63
День курсанта	87
Сержантство	101
Снова рядовой курсант	118
Офицерство.....	138
Последние дни на фронте	151
После ухода Коли.....	160
Через три года после ухода Колюши.....	169
Заключение	178
Послесловие	183

Коля Пестов

ПИСЬМА

Сентябрь 1942 года.....	194
Октябрь 1942 года	205
Ноябрь 1942 года.....	238
Декабрь 1942 года.....	259

Январь 1943 года	286
Февраль 1943 года	297
Март 1943 года.....	303
Апрель 1943 года	319
Май 1943 года.....	333
Последние письма. Август 1943 года	337

Посвящается
будущим защитникам Отечества

Предисловие
Скорбь, перешедшая в радость

Перед вами книга, которая уже не раз переиздавалась. В течение многих лет она перепечатывалась на пишущей машинке под копирку и подписывалась «ГБР» — «грешный Божий раб». В советские годы существовали запретные темы, книги на эти темы не могли выходить официально. Да и сама вера в Бога была гонима, а тех, кто дерзал о ней рассказывать, могла постигнуть суровая кара советского закона. Но были люди, во всем законопослушные, которые считали своим нравственным долгом перед Богом и людьми возвещать слово Божие и закон Божий ставили выше закона людского. Одним из таких замечательных исповедников веры был профессор, доктор химических наук Николай Евграфович Пестов — «грешный Божий раб», как он себя называл.

Книга «Жизнь для вечности» была самой первой из написанных Николаем Евграфовичем. Причиной ее появления стало трагическое событие — смерть горячо любимого сына Николая, погибшего в 1943 году на фронте в 19 лет в своем втором бою. Смерть сына Николай Евграфович переживал очень тяжело, но это скорбное событие стало началом целой цепочки событий радостных.

Книга о сыне и все последующие книги полны искренней, глубокой веры, Николай Евграфович писал их от чистого сердца. И потому, что сердце его было чистым, его книги привели к Богу и к Церкви многих людей, выросших в атеистическом государстве, воспитанных в семьях, где ничего не знали о Христе.

Николай Евграфович не дожил до того времени, когда его книги стали печатать в типографиях и издавать многотысячными тиражами. Но повествование о любимом сыне, который с верой жил и с верой отдал свою жизнь, чтобы жили другие, по-прежнему не может оставить читателя равнодушным, не может не призвать его задуматься о тех же глубоких вопросах, о которых размышлял этот замечательный юноша.

Это издание отличается от предыдущих тем, что состоит из двух частей. Первая — уже не раз издававшаяся книга «Жизнь для вечности», а вторая — это оригиналы писем Коли Пестова. Многие из них цитируются в книге Николая Евграфовича — но не все, и не всегда полностью. Эти письма — ценнейшее свидетельство не только о самом Коле и его близких, но и о времени, в которое они жили.

Письма открывают как бы два окна. Читая письмо, мы видим то, что видел его автор. А еще мы получаем возможность заглянуть в душу автора. Мы видим черты давно ушедшей эпохи, когда многое было иным. Иным был быт, ценности, иным было отношение людей друг к другу, иными были и сами люди. Жизнь была другая, в чем-то тяжелее, чем сейчас; не было привычного нам комфорта, но мелочи жизни не поглощали внимания, оно было обращено на настоящие ценности, те ценности, что «выше граней земных».

Бытовые детали, которыми полны письма, создают впечатление достоверности, эффект присутствия. Читая, ты можешь представить себе, что происходило в той далекой реальности. В письмах раскрывается глубокий внутренний мир человека, ищущего Бога, стремящегося жить по Его заповедям. Эти письма тем ценнее, что принадлежат совсем молодому человеку, вступившему на путь, ведущий в жизнь вечную. Решающие вехи на этом пути — вера и верность, поступки, возвышающие его над суетой и шумом обыденной жизни.

Предисловие

Обратим внимание на некоторые черты той далекой эпохи, о которых напоминают письма Коли Пестова. То, что почта просматривалась военной цензурой, все знали. Поэтому написать о том, что он просит помолиться великомученику и целителю Пантелеимону, Коля не мог — он просил «обратиться к врачу Пантелеимонову». Семья Пестовых жила неподалеку от Елоховского собора, поэтому, когда Коле удавалось попасть в храм, он писал, что «пошел к Елоховым». Недреманное око НКВД обозначалось «посещением Анны Гавриловны». Этой нехитрой конспирации было достаточно, чтобы усыпить бдительность недалеких военных цензоров.

Как известно, самым сильным влиянием обладает личный пример. Письма Коли Пестова свидетельствуют о том, что можно сохранять человеческое достоинство в трудных обстоятельствах, можно тихо, скромно, незаметно совершать в повседневной жизни значительные, если не сказать героические поступки.

Вечная память воину Христову Николаю, жизнь свою за други своя на поле брани положившему, и родителю его, грешному рабу Божиему — Николаю Евграфовичу Пестову!

*Протоиерей Александр Ильяшенко,
настоятель храма Всемилоственного Спаса
бывшего Скорбященского монастыря г. Москвы,
руководитель проекта «Непридуманные рассказы о войне»*

НИКОЛАЙ ПЕСТОВ

Жизнь для вечности

От Тебя победа и от Тебя мудрость,
и Твоя слава, а я Твой раб.

(2 Езд. 4:59)

От автора

Слава в вышних Богу...

(Лк. 2:14)

Кротость души — вот то, что украшает человека, делает его приятным и милым для всех окружающих. Обычно кротость соединяется с простотой и скромностью. А если к этому еще добавляется горячее, любящее сердце, то все это делает человека «солью земли», «свечой», которую ставят на подсвечнике, чтобы светить всем в доме (Мф. 5:13, 15).

От Господа нам выпало счастье иметь сына, который отвечал этим качествам. Он рано созрел духовно и рано был взят Господом с земли. Он оставил нам образ девятнадцатилетнего юноши с кротким, любящим сердцем. В последний год его жизни им было написано большое количество писем, которые рисуют его нежную, простую, отзывчивую душу, полную готовности служить людям. Эти письма исполнены вместе с тем чисто христианской философии жизни с безропотным послушанием воле Господней и мудрой рассудительностью, редкой для девятнадцатилетнего возраста.

Есть обычай ставить памятники на дорогах сердцу могилах. Около нас нет могилы нашего сына — он похоронен далеко от нас, на поле боя, на братском кладбище. Пусть же будут памятником ему эти строки, в которых я хочу описать его образ, его жизнь и поступки, последние героические часы его жизни и передать основы его цельного, глубоко христианского мирозерцания.

Может быть, у некоторых иногда встают вопросы, как можно воплотить в жизнь заветы Христа в современной обстановке и как можно быть «мудрыми, как змии, и простыми, как голуби» (Мф. 10:16). Мне кажется, Колина жизнь дает ясный ответ на оба эти вопроса.

В основном содержание записанного нами относится к повседневному быту с его «мелочами жизни». Но не сумма ли «мелочей» составляет жизнь и не на «мелочах» ли мы более всего спотыкаемся? И не есть ли самое важное и великое — быть «верным в малом» (Мф. 25:21).

Моя доля в этом труде — скромная доля. Все основное принадлежит самому Коле — его письмам, сочинениям, дневникам и его поступкам, словам и мыслям. Мне нужно было лишь собрать все это и, выбрав все ценное и значимое, изложить в нужной последовательности.

По отношению ко всему собранному материалу я не остался в роли равнодушного летописца. Коля живет в моем сердце, и я не мог сдержаться от выражения тех чувств, которые переполняют его при мыслях о Коле.

Основной декорацией действия является полузамерзшая казарма; средой — современная молодежь в форме курсантов. Заключительные сцены — на фронте и поле боя. И на этом суровом фоне расцвели те нежные, благоухающие цветы движений сердца и мыслей Коли, которые наполняют душу той радостью, которую пробуждает в душе всякая красота.

Господь, как заботливый садовник, выращивает на земле духовные цветы — души людей, сумевших построить свою жизнь в согласии с Его вечной Истиной. Он любит эти Свои цветы и любит на них. Но Он хочет, чтобы и все, кто умеет ценить красоту, любовались и радовались им.

Он позаботится и о том, чтобы и скромный цветочек из Его сада, нежная душа Колюши, не прошла в мире бесследно, но внесла и свою долю в сокровищницу красоты и радости. Господь взял Колю к Себе, но в его

милом образе, в поступках и мыслях, в его мирозерцании остался духовный капитал вечных ценностей, которые не могут пропасть и будут служить людям. Его образ будет радовать людей красотой души, согревать их сердца и звать их идти тем же путем, которым шла его юная христианская душа.

Человек — пришелец на земле. По сравнению с вечностью жизнь на земле не больше мгновения. Поэтому жизнь в теле подобна мимолетному сну, а смерть тела есть пробуждение.

Благо тем, кто из этого мира унесет в вечность красоту души, отвергшей себя ради служения близким. К этому стремился Коля, чтобы получить то «сокровище неоскудевающее на небесах» (Лк. 12:33), которое обещано Христом за исполнение Его заповедей. Туда он ушел в ореоле юношеской чистоты, красоты подвига самозабвения и совершенной преданности воле Господней.

Лишь в вечности можно получить то истинное сокровище, которое никогда не отнимется и не умалится и перед которым ничто не значит все призрачное счастье этого мира.

Раннее детство¹

На земле мир, в человеках благоволение.

(Лк. 2:14)

Нашего первенца при крещении мы называли Николаем в честь великого Святителя Николая Мирликийского. Но с раннего детства за ним сохранилось ласковое имя Колюша, и оно так гармонировало с его нежной душой, что сохранилось за ним до зрелого возраста (до последних дней его жизни).

Как замечено в жизни христианских семейств, черты характера святого, в честь которого называют ребенка, передаются последнему. Как будет видно из дальнейшего, это в полной мере имело место и для нашего Колюши.

Уже с первых месяцев жизни Колюшу отличала живость характера. Как заведенная автоматическая куколка, он беспрестанно подпрыгивал в руках у своей няни, молоденькой девушки. Иногда, за недосугом для матери и няни, Колюшу поручали нянчить мне. Я это делал лишь при одном условии: чтобы его предварительно запеленали с ручками, «как конфетку». Но обычно бойкий младенец умел быстро освобождаться от пеленок. Тогда я скоро приходил в отчаяние от его быстрых и неожиданных движений и спешил сдать его обратно няне или требовал вновь наглухо запеленать его.

С младенческих лет Колюша рос очень здоровым ребенком и за всю свою жизнь не перенес ни одной тяжелой болезни (если не считать легко протекавшей кори).

Впрочем, здесь надо упомянуть об одном исключении, которое вместе с тем раскрывает секрет здоровья ребенка. Начиная со дня крещения мы причащали

¹ В первоначальной редакции наших воспоминаний о Коле главы «Раннее детство» не было. Она была написана позже по просьбе наших друзей, исходя из того, что на формирование характера и мирозерцания человека более всего влияют годы раннего детства.

Колюшу Святых Таин очень часто, а в младенческие годы почти каждое воскресенье. Но когда Колюше было около полутора лет, мама уехала с ним на лето к бабушке на Электропередачу — в заводской поселок, расположенный среди торфяных болот. Там не было церкви, и причастие прекратилось. Через несколько недель по приезду Колюша захворал там желудком, и болезнь все более обострялась. Мы поспешили вернуться в Москву из неблагополучного места. Когда по возвращении Колюшу первый раз стали причащать, он испугался, стал биться в руках, отказываясь от причастия. Было так больно видеть, как ранее с такой готовностью причащавшийся младенец по нашей неосмотрительности перестал быть благодатным ребенком. Второй раз он уже с охотой принял причастие, а его болезнь прекратилась.

Когда у нас родилась Наташа, Колюше было около двух лет. К своей сестричке он проявлял большую нежность. Я вспоминаю следующую картину из семейной идиллии зимнего вечера того времени. Мы жили тогда в подвале, в квартире моей двоюродной сестры. Посреди комнаты стояла железная печурка. Колюша садился на низенький стульчик перед колыбелью Наташи и в такт хлопал своими ручонками, когда мы с мамой пели следующую незатейливую песенку:

Печку затопим в своей комнатушке,
Сядет на стульчик сыночек Колюша,
Ручками хлопнет, и все мы втроем
Нашей Наташеньке песню споем.

Колюшина забота о близких проявилась, когда ему еще не было трех лет. Мы жили на даче, где у хозяйки жила ее мать в возрасте ста трех лет. Колюша, очевидно, очень жалел немощную старушку. Мама наблюдала, как он бегал к ней, давал сахарку, а иногда, вынув что-то из рта, говорил старушке: «На, пососи конфетку».

С раннего же детства Колюшу отличала и необычайная ласковость. Я помню, как трехлетним мальчиком, в избытке энергии, он бегал взад и вперед по комнате и, несколько утомившись, подбегал ко мне, сидящему на кровати,

Наташа, Коля, Сережа.
Начало 30-х годов

и, уткнув свою головку в мои колени, говорил: «Бегал, бегал и к папе прибежал», как мальчиком он подходил иногда ко мне и молча обнимал так крепко, как только мог.

Что особенно отличало Колюшу и делало его таким милым для всех, кто его знал, это его кротость характера. Когда дети в чем-либо были виноваты, то их воспитательница (она жила у нас до шестилетнего возраста Колюши) имела обыкновение наказывать их тем, что сажала на сундук. Помню, как-то я увидел Колюшу молча сидевшим на сундуке.

— Колюша, что ты сидишь здесь?

— Я обидел Наташу, и меня наказала тетя Варя, — кротко отвечал грустный Колюша и продолжал спокойно сидеть на сундуке, ожидая конца срока наказания.

Эта воспитательница научила детей говорить на немецком языке. Он настолько был ими освоен, что иногда во сне Колюша говорил уже не по-русски, а по-немецки. К сожалению, ей не пришлось пробыть у нас долго, и легкость разговора на немецком языке была впоследствии детьми утрачена.

В Колюшу было заложено нежное сердце, отзывчивое к горю и страданиям окружающих. Я помню, как ребенком лет пяти он любил рассказывать о преподобном Серафиме по большой картине, на которой были

изображены различные случаи из его жития. Когда он доходил до эпизода с избиением преподобного разбойниками, то останавливался, закрывая глаза ручкой, и говорил: «Не могу смотреть».

Жалостливость, которую мы старались привить детям, была вообще характерной чертой Колюши. Когда ему было около четырех лет, он очень любил стихотворение следующего содержания. Мальчик Ваня пришел из школы без книг. Мама спрашивает его:

— Ваня, где же твои книги?
— Я из школы их не взял.
Снова Ваня возвратился
И опять пришел без книг,
Сел тихонько в уголочек
И головкою поник.
— Ваня, где же твои книги?
— Я вчера их потерял!
— Как же, мальчик?! Как же, Ваня?!
Что же, будет так и дале? —
Сердце маме лгать не может...

Ваня со слезами сознается, что он отдал свои книги бедному мальчику, который не мог их купить. Ваня просит его простить и говорит, что сам будет учить уроки по памяти.

Это стихотворение Колюша любил декламировать с мамой в лицах. Он садился в уголок с грустным личиком и затем бросался на шею к маме со словами: «Прости». «А потом что было?» — просил он у мамы ему подсказать дальнейшее. Очевидно, поступок Вани глубоко запал в сердце Колюши.

Уже с самого раннего возраста Колюша также очень любил подавать нищим. Отправляясь гулять со своей воспитательницей, он брал всегда с собой спичечную коробочку с медными деньгами. Зоркими глазками он искал по улице нищих. Если нищий встречался на другой

стороне улицы, то он старался добиться разрешения перебежать через улицу, чтобы подать нищему. Когда дети гуляли по улицам, тетя Варя обычно брала за руки младших детей — Наташу и Сережу. Колюша, как старший (шести лет), шел впереди и обследовал безопасность дороги. Подходя к раскрытым воротам, он останавливался, заглядывал в них — не выезжает ли из них автомобиль, и потом говорил сзади идущим: «Можно идти».

Нежно любил Колюша и животных. Мне приходилось пробирать его за то, что он целовал своего котика в самую мордочку (как он называл, «моську») и брал его с собой в постель под одеяло. Следует упомянуть, что в нашей семье дети были приучены к ласке. Некоторые из наших знакомых считали неправильным наше отношение к детям, характеризовавшееся избытком нежности. Про нас говорили: «У Пестовых все время целуются» — и считали, что подобное воспитание детей вредно и прививает им излишнюю чувствительность.

Колюша никогда не позволял себе драться с товарищами. Когда ему было около шести лет, мы были с ним на рождественской елке у одних знакомых. У них был единственный сын — мальчик четырех лет, который воспитывался в одиночестве и не привык, чтобы кто-нибудь, кроме него, мог играть его игрушками. Мальчики были оставлены одни в детской. Несколько времени спустя Колюша пришел к нам в столовую с грустным видом и молча прижался к маме. «Что ты, Колюша?» — спросила она. «Совсем забил, мама!» — отвечал он со слезами на глазах. Как выяснилось потом, четырехлетний хозяин не позволил ему брать ни одной игрушки. Кроткому Колюше оставалось лишь с грустью покинуть детскую...

Колюша был живым и подвижным мальчиком. Семь лет он начал учиться играть на рояле. Нелегко ему было сидеть спокойно и выигрывать скучные гаммы.

«Надо играть, голубок мой», — побуждала его мама возобновлять прерываемую игру. «Подожди, мамочка, — отвечал Колюша, — я только крылышками помахаю». Он соскакивал со стула и начинал бегать по комнате, размахивая руками, согнутыми в локтях наподобие крыльев. Так отдохнув, он возобновлял занятия.

Я не помню случая, когда Колюша капризничал. Плакал он лишь тогда, когда его обижали. Впрочем, в этом отношении было одно исключение. Колюша от природы имел очень нежную кожу и был чувствителен к горячей воде, поэтому, когда его мама мыла в ванне, дело нередко сопровождалось слезами. По мнению Колюши, его не мыли, а всегда «шпарили». Так же чувствителен он был и к прикосновению к его коже хотя бы несколько грубой шер-

стяной материи: от нее его тело покрывалось прыщами. «Как же это ты, Колюша, будешь служить в армии, ведь там тебе придется носить суконную шинель?» — заранее сокрушалась мама. Маленький Колюша успокаивал ее преждевременное беспокойство и говорил: «Не бойся, мамочка, я попрошу мне под ворот баечки подшить, скажу, что меня *синейка* закоёя (шинелька заколола)».

От первого весеннего солнышка лицо Колюши покрывалось веснушками. От жары и возбуждения оно сильно краснело. Беспокоясь о своем виде (когда, например, надо было идти в гости), он говорил: «Подождем, мамочка, пока сойдет с меня „индюшати́на“».

Зоя Вениаминовна Пестова
с Колей и Сережей

Школьные годы

Все, что делаете, делайте от души,
как для Господа, а не для человеков.

(Кол. 3:23)

Восьми лет Колюша поступил сразу во второй класс школы, за первый класс он был подготовлен дома. Впрочем, это сказано не точно — его не готовили специально ко второму классу: как-то само собой вышло, что он к семи годам уже бегло читал, писал и хорошо считал, и в первом классе ему нечего было делать.

Колюша был одаренным мальчиком по своим умственным способностям — от Господа он получил полные десять талантов. Наука давалась ему легко, он учился как бы шутя: был всегда отличником и в конце года приносил награды и похвальные грамоты. Будучи в восьмом классе, он, как бы случайно, нашел неизвестные ему два варианта доказательства теоремы Пифагора; один из них пошел на школьную выставку как еще никем не открытый. Его сочинения читались всем в классе как образцовые. Учителя очень ценили Колю: его классная наставница в старших классах школы так и сказала о нем одной его однокласснице: «Мы еще услышим в будущем про Колю...» Когда мама спрашивалась у учителей об успехах и поведении Колюши в школе, то слышала такие ответы: «Что вы беспокоитесь? Он лучший из лучших. Откройте нам секрет вашей системы воспитания». Что могла мама ответить на последний вопрос, когда в основу всей системы нашего воспитания детей мы клали живую веру и учение Христа?

Но не умственные способности были тем главным талантом, который он получил от Господа. В нем, глубоко в сердце, была заложена искра христианской любви, горячее желание служить людям с готовностью на самопожертвование.

Тридцатые годы были очень трудные. Все продукты получались по карточкам в мизерном количестве.

С бабушкой

В столовой на окне стояли две коробочки, куда дети откладывали из своего пайка то кусочек сахара, то пряник, то конфетку. Эти запасы посылались по большим церковным праздникам в провинцию к бабушке и к одной монахине. «Это трудно, но это прекрасно», — говорил Колюша вычитанное им где-то выражение. Да, это было трудно для детей его возраста, выраставших на ограниченном пайке.

С детства прочно укоренилось у Колюши и чувство долга. Когда ему было одиннадцать лет, он пришел к маме за советом, как добиться красивого почерка. Мама обещала ему за старание и красивые тетрадки купить шоколадку.

— Что ты, мама, — отвечал смущенный Колюша, — я и так обязан иметь отличные тетради.

Как-то раз я спросил его, когда ему было лет десять-одиннадцать:

— Колюша, не трудно ли тебе стоять так долго в церкви?

— Да, папа, — отвечал он, — но ведь так нужно.

Еще мальчиком лет двенадцати он удивил меня своим глубоким пониманием заветов Христа. На мой вопрос о причинах какого-то его поступка он ответил: «Господь велит быть всем слугою». Как будет видно из дальнейшего, этот завет Христа стал жизненным девизом Колюши и наполнил его жизнь впоследствии ценным содержанием. А будучи мальчиком, он всегда, без напоминаний, уступал в вагонах место старикам и детям.

Колюша имел очень живое выразительное лицо, на котором всегда можно было читать его чувства. Взор его голубых глаз был всегда ясен. Он просто и скромно держался и был несколько застенчив и робок. Как-то раз, уже будучи юношей, он получил упрек от сестры своего товарища по классу, что он «не умеет ухаживать» и что у него «не хватает нахальства». «Она не понимает, что скромность — это красота души», — с грустью сказал Колюша сестре, рассказывая этот случай.

Колюша имел мягкий характер, и его легко было уговорить. Я даже побаивался в этом отношении за его будущность. Однако, когда дело шло о совести и верности принципам, Колюша всегда находил в себе силы быть им верным. Так, его вера не позволяла ему быть пионером или комсомольцем. А на него, как на лучшего в классе, всегда давили в этом направлении. Однажды классная руководительница вызвала его, двенадцатилетнего мальчика, настойчиво уговаривала его вступить в пионеры и расспрашивала о причинах отказа. В этих случаях он обычно молчал.

— Как тебе было при этих уговорах? — спросила потом его мама.

— Так страшно, мамочка, было, что коленки у меня дрожали! — отвечал Колюша.

И всегда, несмотря на свою робость, он выходил победителем в подобных искушениях, хотя и знал, что его упорство в этом вредит ему в школе. Так, в одном из его писем дедушке (из старших классов) имеется такое упоминание: «Меня втягивали в комсомол, я выдержал диспут с комсоргом, и положение не изменилось. Окончить вторую четверть отличником мне не дадут, да мне и не надо, незачем. Прошлый учебный год я кончил отличником, а похвальную грамоту мне не дали».

Колюша в школе изучал немецкий язык. Будучи в шестом или седьмом классе, он стал брать у одной частной учительницы уроки английского языка. А когда он был в старших классах, он занимался с мамой и французским языком. Первый урок его по английскому языку начался не совсем обычным вступлением. Его учительница, старый человек, была несколько эксцентрична и предубежденно настроена по отношению к современной молодежи. Она неохотно дала согласие на занятия с Колюшей, считая его «дитёй своего времени». Когда он в первый раз пришел к ней и поздоровался, то произошел следующий диалог.

- Зачем пришел?
- Заниматься английским языком.
- А разве ты хочешь?
- Мне велит мама.
- Ты пионер?
- Нет.
- Врешь! «Отче наш» знаешь?
- Знаю.
- Читай.

Колюша спокойно и верно прочел «Отче наш».

- А «Верую» знаешь?
- Знаю.
- Читай.

Колюша так же спокойно прочел без ошибок и «Верую».

- Ну, садись заниматься.

Рассказывая эту сцену маме, старушка добавила, что она была сильно удивлена той кротостью и послушанием, которые увидела в Колюше. Та же старушка-учительница передала нам, уже после смерти Колюши, и еще один эпизод из времени их занятий. Однажды он пришел к ней, не выучив урока. Старушка была удивлена этим, так как обычно он был аккуратен и прилежен, и спросила о причине его небрежности. Колюша отвечал: «Вчера я читал житие преподобного Серафима, и мне трудно было заняться уроками. Я думаю, что я также буду монахом. Часто мне кажутся ненужными мои занятия, и мне трудно тогда учиться. Ведь вы тоже монахиня?» Старушка подтвердила последнее, но указала ему на несвоевременность всех этих мыслей, на то, что он еще слишком молод и что пока надо прилежно учиться. Колюша просил ее не передавать о его мыслях и настроениях нам, его родителям, что и было обещано ему. Так рано зародились в его сознании мысли о «суете сует» всего мирского, а сердце затосковало о приобщении к вечным ценностям и потусторонней красоте...